

Эдуард Аркадьевич Асадов
Лирика (сборник)
Серия «100 главных книг (Эксмо)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9962021
Лирика / Эдуард Асадов: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-81499-2

Аннотация

Эдуард Асадов (1923–2004) – один из самых читаемых поэтов-лириков. Многие, начинавшие писать стихи, делали это «по Асадову», ведь он умел говорить с людьми на языке привычном и понятном им и очень хорошо представлял себе своего читателя: действительно наивного, не всегда умеющего выразить свои чувства и изложить мысли. Потому-то стихи Эдуарда Асадова в основном сюжетны: в их основе истории, которые любой неискушенный человек может счесть своими собственными.

Содержание

Жар-птица	6
Ревность	8
Любовь	9
Прогулка	10
«Рыжик»	12
Женщина сказала мне однажды...	14
Она была так хороша собой	16
Сердце	17
Стихи о гордой красоте	18
Песня-тост	20
Разрыв	22
Попутчица	24
Телефонный звонок	26
Звезды служат влюбленным	27
Обидная любовь	28
«Ты грустишь и, косу тербя...»	30
Девушка	31
Письмо любимой	32
Одна	34
Первый поцелуй	35
Стихи об одной любви	37
Таежный родник	40
За счастьем!	42
Ненужные споры	43
Зимняя сказка	45
Одно письмо	47
Я провожу тебя	48
«Все как будто сделал славно я...»	50
Сердечная история	52
Вторая любовь	54
Спор	56
Был у меня соперник	58
Раздумье о сердцах	60
«Забыв покой, дела и развлечения...»	62
Любовь и трусость	63
Лесная сказка	65
Добрый принц	67
Шаганэ	69
Стихи о несбывшейся встрече	72
Слово к мужчинам	74
Вечная красота	76
О скверном и святом	79
Весенняя песня	81
Главная встреча	83
Счастливый человек	84
Высота	85

Когда порой влюбляется поэт...	86
Цвета чувств	88
В кафе	89
Слово о любви	91
Дружеский совет	93
Оценка любви	94
О смысле жизни	95
Итог	97
Женский секрет	98
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Эдуард Асадов

Стихотворения о любви

© Асадов Э. А. Наследник, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Жар-птица

– Любовь? Ее нет между нами, –
Мне строго сказала она. –
Хотите, мы будем друзьями,
Мне верная дружба нужна.

Что спорить, она откровенна,
Но только я хмуро молчу.
Ведь я же солгу непременно,
Когда ей скажу, что хочу.

Что ж, дружба – хорошее дело!
В ней силы не раз почерпнешь,
Но дружба имеет пределы,
А мне они – по сердцу нож!

Как жил я, что в сердце вплеталось,
Я все бы ей мог рассказать,
Когда бы она попыталась,
Когда б захотела понять.

Идя сквозь невзгоды и вьюги,
Не встретил я преданных глаз.
Случайные лгали подруги,
Я сам ошибался не раз.

Но думал я: вспыхнут зарницы.
Я знал: надо верить и ждать.
Не может так быть, чтоб жар-птицы
Я в мире не смог отыскать!

Когда же порой мне казалось,
Что к цели приблизился я,
Жар-птица, увы, превращалась
В простого, как хвощ, воробья.

Вспорхнув, воробьи улетали,
И снова я верил и ждал.
И все-таки вспыхнули дали!
И все-таки мир засиял!

И вот наконец золотые
Я россыпи в сердце открыл.
Наверное, в жизни впервые
Я так горячо полюбил!

Моя долгожданная, здравствуй!
Ты чувств не найдешь горячей.
Иди и в душе моей царствуй!
Я весь тут – бери и владей!

Жар-птица сверкнула глазами,
И строго сказала она:
– Любовь? Ее нет между нами.
Хотите, мы будем друзьями,
Мне верная дружба нужна.

Что спорить, она откровенна,
Но только я хмуро молчу.
Ведь я же солгу непременно,
Когда ей скажу, что хочу.

1950

Ревность

Сдвинув брови, твердыми шагами
Ходит парень возле перекрестка.
В этот вечер под его ногами
Снег хрустит решительно и жестко.

Час назад в просторном зале клуба
Пестрый вихрь кружился, бушевал,
Пело сердце, рокотали трубы –
Был в разгаре молодежный бал.

Час назад он думал, что развеет
Подозрений горьковатый дым,
Час назад он верил, что владеет
Все еще сокровищем своим.

Но когда любимую увидел
С тем же длинным парнем в тюбетейке,
В сердце злые шевельнулись змейки,
Он смотрел, молчал и ненавидел.

На площадке лестницы пустой
Видел он, как обнял тот подругу.
Вот они придвинулись друг к другу,
Вот поцеловались раз, другой...

Нет, им даром это не пройдет!
Он отвергнут, только он не сдался.
Он им все итоги подведет,
Зря он, что ли, боксом занимался!

Потому суровыми шагами
Ходит парень возле перекрестка.
И не даром под его ногами
Снег хрустит так твердо и так жестко.

Только для чего готовить мщение
И катать на скулах желваки?
Если сердце терпит поражение,
Разве тут помогут кулаки?!

1950

Любовь

Известно всем: любовь не шутка,
Любовь – весенний стук сердец,
А жить, как ты, одним рассудком
Нелепо, глупо наконец!

Иначе для чего мечты?
Зачем тропинки под луною?
К чему лоточницы весною
Влюбленным продают цветы?!

Когда бы не было любви,
То и в садах бродить не надо.
Пожалуй, даже соловьи
Ушли бы с горя на эстраду.

Зачем прогулки, тишина,
Коль не горит огонь во взгляде?
А бесполезная луна
Ржавела б на небесном складе.

Представь: никто не смог влюбиться,
И люди стали крепче спать,
Плотнее кушать, реже бриться,
Стихи забросили читать...

Но нет, недаром есть луна
И звучный перебор гитары,
Не зря приходит к нам весна
И по садам гуляют пары.

Бросай сомнения свои!
Люби и верь. Чего же проще?
Не зря ночные соловьи
До хрипоты поют по рощам!

1951

Прогулка

Мы шли по росистой тропинке вдвоем
Под сосен приветственный шорох.
А дачный поселок – за домиком дом –
Сползал позади за пригорок.

До почты проселком четыре версты,
Там ждут меня письма, газеты.
– Отправимся вместе, – сказала мне ты
И тоже проснулась с рассветом.

Распластанный коршун кружил в вышине,
Тропинка меж сосен петляла
И, в речку сорвавшись, на той стороне
Вползала в кусты краснотала.

Смеялась ты, грустные мысли гоня.
Умолкнув, тревожно смотрела.
И, каюсь, я знал, что ты любишь меня,
Ты чувства скрывать не умела.

Цветущий шиповник заполнил овраг,
Туман по-над лугом стелился.
Любой убежденный ворчун-холостяк
В такое бы утро влюбился!

Я ж молод, и ты от меня в двух шагах –
Сердечна, проста и красива.
Ресницы такие, что тень на щеках.
Коса с золотистым отливом.

Трава клокотала в пьянящем соку,
Шумела, качаясь, пшеница.
«Любите!» – нам ветер шепнул на бегу.
«Любите!» – кричали синицы.

Да плохо ли вдруг, улыбнувшись, любя,
За плечи обнять дорогую.
И я полюбил бы, конечно, тебя,
Когда не любил бы другую.

Для чувств не годны никакие весы,
К другой мое сердце стремится.
Хоть нет у нее золотистой косы
И явно короче ресницы.

Да что объяснять! И, прогулку кляня,
Я пел, я шутил всю дорогу.
И было смешно тебе слушать меня
И больно, пожалуй, немного.

Тут все бесполезно: прогулка, весна,
Кусты и овражки с ручьями.
Прости, я другую любил, и она,
Незримая, шла между нами.

1954

«РЫЖИК»

У низенькой калитки
Судьба столкнула их.
Блестели солнца слитки
На травах молодых.

Два паренька молчали.
Ведь цель у них одна,
Одни у них печали:
Вот здесь живет она.

Та, что смеется звонко,
О ком их сердце мрет,
Глазастая девчонка –
Колхозный счетовод.

Двоим хоть поругаться,
И, право, как им быть:
Кому из них остаться,
Кому из них входить?

Один не даст подругу
Отбить. Высок, плечист.
Краса на всю округу –
Шофер и футболист.

Другой пониже ростом,
Но ладно, крепко сбит.
Себя он держит просто,
Да бойко говорит.

Дежурный с полустанка,
Фуражка – алый цвет.
Проснувшись спозаранку,
Он даже взял букет.

Большой букет сирени.
А может, зря и брал?
Но, потеряв терпенье,
Высокий вдруг сказал:

– Довольно зря топтаться,
Ждать больше нету сил!
Идем, пора дознаться,
Пусть скажет, кто ей мил.

Все выясним без злобы,
Без драки и без ссор. —
Так порешили оба
И двинулись во двор.

Горел закат над лугом...
Без тропок, целиной
«Краса на всю округу»
Уныло брел домой.

На сердце было тяжело:
Другой остался с ней.
В своей большой фуражке
Гриб рыжик. Ей-же-ей!

А покориł подругу.
Но почему и как?
«Краса на всю округу»
С досадой сжал кулак.

Он шел по первоцветам,
Сердился и не знал,
Что «рыжик» был поэтом,
Он ей стихи читал.

1956

Женщина сказала мне однажды...

Женщина сказала мне однажды:
– Я тебя люблю за то, что ты
Не такой, как многие, не каждый,
А духовной полон красоты.

Ты прошел суровый путь солдата,
Не растратив внешнего огня.
Все, что для тебя сегодня свято,
То отныне свято для меня.

В думах, в сердце только ты один.
Не могу любить наполовину.
Мир велик, но в нем один мужчина,
Больше нету на земле мужчин.

Мне с тобою не страшны тревоги,
Дай мне руку! Я не подведу.
Сквозь невзгоды, по любой дороге
Хоть до звезд, счастливая, дойду!

...Годы гасли, снова загорались
Вешними зарницами в реке.
И слова хорошие остались
Легкой рябью где-то вдалеке.

И теперь я должен был узнать,
Что весь мир – курорты с магазинами
И что свет наш заселен мужчинами
Гуще, чем я мог предполагать.

А потом та женщина, в погоне
За улыбкой нового тепла,
Выдернула руку из ладони
И до звезд со мною не дошла...

Жизнь опять трудна, как у солдата.
Годы, вьюги, версты впереди...
Только верю все же, что когда-то
Встретится мне женщина в пути.

Из таких, что верности не губит,
Ни рубля не ищет, ни венца,
Кто коли полюбит, то полюбит,
Только раз и только до конца.

Будет звездным глаз ее сияние,
И, невзгоды прошлого гоня,
В синий вечер нашего свидания
Мне она расскажет про меня.

– Как же ты всю жизнь мою измерила?
Ворожила? –

Улыбнется: – Нет,
Просто полюбила и поверила,
А для сердца – сердце не секрет!

И пойду я, тихий и торжественный,
Сквозь застывший тополинный строй.
Словно праздник, радостью расцвеченный,
Не постылый вновь и не чужой.

И, развеяв боль, как горький пепел,
Так скажу я той, что разлюбила:
– Нынче в мире женщину я встретил,
Что меня для счастья воскресила!

1958

Она была так хороша собой

Она была так хороша собой,
Что все мужчины с жаром каждый раз
Любой каприз, любой ее приказ
Бросались выполнять наперебой.

А время шло... Тускнел пожар волос.
Она ж не чтит никаких резонов.
И как-то раз, капризно сморщив нос,
Она сказала: – Я хочу пионов!

И вдруг удар: никто не вострепнулся,
На божество никто не поднял глаз.
И только муж пробормотал: – Сейчас. –
Пробормотал, а сам не шелохнулся...

Тогда ей было впору зарыдать.
Она была жалка в своих страданиях.
Как важно в жизни, помня о желаньях,
Возможностей своих не забывать!

1958

Сердце

Милую люблю,
Я не играл с ней в прятки:
И сердце свое, и себя –
Все отдал ей без остатка.

Но хоть смущена была,
Недолго она колебалась:
Сердце мое взяла,
А от меня отказалась.

Видимо, лестно ей
Было, гордясь красою,
Сердце мое, как трофей,
Всюду носить с собою.

Пусть тешится! Ей невдомек,
Что тем себя и погубит.
Слишком опасен ток
В сердце, которое любит.

В холод груди ее
Тайный огонь пройдет,
Сразит ее сердце мое,
Всю, не щадя, сожжет.

Кружите, ветры, смеясь!
Твердите, что я чужак!
Но верю я – грянет час.
Но знаю я – будет так:

С глазами, полными слез,
Милую, всю в огне,
Сердце мое, как пес,
Назад приведет ко мне!

1960

Стихи о гордой красоте

Как нежданного счастья вестник,
Ты стоишь на пороге мая,
Будто сотканная из песни,
И загадочная, и простая.

Я избалован счастьем мало.
Вот стою и боюсь шевелиться:
Вдруг мне все это только снится,
Дунет ветер... и ты – пропала?!

Ветер дунул, промчал над садом,
Только образ твой не пропал.
Ты шагнула, ты стала рядом
И чуть слышно спросила: «Ждал?»

Ждал? Тебе ли в том сомневаться!
Только ждал я не вечер, нет.
Ждал я десять, а может статься,
Все пятнадцать иль двадцать лет.

Потому и стою, бледнея,
И взволнованный и немой.
Парк нас манит густой аллеей,
Звезды кружат над головой...

Можно скрыться, уйти от света
К соснам, к морю, в хмельную дрожь.
Только ты не пойдешь на это,
И я рад, что ты не пойдешь.

Да и мне ни к чему такое,
Хоть святым и не рвусь прослыть.
Просто, встретив хоть раз большое,
Сам не станешь его дробить.

Чуть доносится шум прибоя,
Млечный Путь, как прозрачный дым...
Мы стоим на дороге двое,
Улыбаемся и молчим...

Пусть о грустном мы не сказали,
Но для нас и так не секрет,
Что для счастья мы опоздали,
Может статься, на много лет.

Можно все разгромить напасти.
Ради счастья – преграды в прах!
Только будет ли счастье – счастьем,
Коль на детских взойдет слезах?

Пусть иные сердца ракетой
Мчатся к цели сквозь боль и ложь.
Только ты не пойдешь на это,
И я горд, что ты не пойдешь!

Слышу ясно в душе сегодня
Звон победных фанфарных труб,
Хоть ни разу тебя не обнял
И твоих не коснулся губ.

Пусть пошутят друзья порою.
Пусть завидуют. В добрый час!
Я от них торжества не скрою,
Раз уж встретилось мне такое,
Что встречается только раз!

Ты не знаешь, какая сила
В этой гордой красе твоей!
Ты пришла, зажгла, окрылила,
Снова веру в меня вселила,
Чище сделала и светлей.

Ведь бывает, дорогой длинной,
Утомленный, забыв про сон,
Сквозь осоку и шум осинный
Ты идешь под комарный звон.

Но однажды ветви раздвинешь –
И, в ободранных сапогах,
На краю поляны застынешь
В солнце, в щебете и цветах.

Пусть цветов ты не станешь рвать,
А, до самых глубин взволнованный,
Потрясенный и зачарованный,
Долго так вот будешь стоять.

И потянет к лугам, к широтам,
Прямо к солнцу... И ты шагнешь!
Но теперь не пойдешь болотом,
Ни за что уже не пойдешь!

1960

Песня-тост

Парень живет на шестом этаже.
Парень с работы вернулся уже,
Курит и книгу листает.
А на четвертом – девчонка живет,
Моет окошко и песни поет,
Все понежней выбирает.

Но парень один – это парень, и все.
Девчонка одна – девчонка, и все.
Обычные, неокрыленные.
А стоит им встретиться – счастье в глазах,
А вместе они – это радость и страх,
А вместе они – влюбленные!

«Влюбленный» не слово – фанфарный сигнал,
Весеннего счастья воззвание!
Поднимем же в праздник свой первый бокал
За это красивое звание!

Месяцы пестрой цепочкой бегут,
Птицы поют, и метели метут,
А встречи все так же сердечны.
Но, как ни высок душевный накал,
Какие слова бы он ей ни шептал,
Влюбленный – ведь это не вечно!

Влюбленный – это влюбленный, и все.
Подруга его – подруга, и все.
Немало влюбленных в округе.
Когда же влюбленные рядом всегда,
Когда пополам и успех, и беда,
То это уже супруги!

«Супруги» – тут все: и влюбленности пыл,
И зрелость, и радость познания.
Мой тост – за супругов! За тех, кто вступил
Навек в это славное звание!

Время идет. И супруги, любя,
Тихо живут в основном для себя.
Но вроде не те уже взоры.
Ведь жить для себя – это годы терять,
Жить для себя – пустоцветами стать,
Все чаще вступая в раздоры.

Муж – это муж, и не больше того.
Жена есть жена, и не больше того.
Не больше того и не краше.
Но вдруг с появлением смешного птенца
Они превращаются в мать и отца,
В добрых родителей наших!

И тост наш – за свет и тепло их сердец,
С улыбкой и словом признания.
За звание «мать»! И за званье «отец»!
Два самые высшие звания!

1960

Разрыв

Битвы словесной стихла гроза.
Полные гнева, супруг и супруга
Молча стояли друг против друга,
Сузив от ненависти глаза.

Все корабли за собою сожгли,
Вспомнили все, что было плохого.
Каждый поступок и каждое слово –
Все, не щадя, на свет извлекли.

Годы их дружбы, сердец их биенье –
Все перечеркнуто без сожаленья.
Часто на свете так получается:
В ссоре хорошее забывается.

Тихо. Обоим уже не до споров.
Каждый умолк, губу закусив.
Нынче не просто домашняя ссора,
Нынче конец отношений. Разрыв.

Все, что решить надлежало, решили.
Все, что раздела ждало, разделили.
Только в одном не смогли согласиться,
Это одно не могло делиться.

Там, за стеною, в ребячьем углу,
Сын их трудился, сопя, на полу.
Кубик на кубик. Готово! Конеч!
Пестрый, как сказка, вырос дворец.

– Милый! – подавленными голосами
Молвили оба. – Мы вот что хотим... –
Сын повернулся к папе и маме
И улыбнулся приветливо им.

– Мы расстаемся... совсем... окончательно...
Так нужно, так лучше... И надо решить.
Ты не пугайся. Слушай внимательно:
С мамой иль с папой будешь ты жить?

Смотрит мальчишка на них встревоженно.
Оба взволнованы... Шутят иль нет?
Палец в рот положил настороженно.
– И с мамой, и с папой, – сказал он в ответ.

– Нет, ты не понял! – И сложный вопрос
Каждый ему втолковать спешит.
Но сын уже морщит облупленный нос
И подозрительно губы кривит...

Упрямо сердце мальчишечье билось,
Взрослых не в силах понять до конца.
Не выбирало и не делилось.
Никак не делилось на мать и отца!

Мальчишка! Как ни внушали ему,
Он мокрые щеки лишь тер кулаками,
Никак не умея понять: почему
Так лучше ему, папе и маме?

В любви излишен всегда совет.
Трудно в чужих делах разбираться.
Пусть каждый решает, любить или нет,
И где сходиться, и где расставаться.

И все же порой в сумятице дел,
В ссоре иль в острой сердечной драме

Прошу только вспомнить, увидеть глазами
Мальчишку, что драмы понять не сумел
И только щеки тер кулаками.

1961

Попутчица

– Мой муж бухгалтер, скромный, тихий малый,
Заботлив, добр, и мне неплохо с ним.
Но все-таки когда-то я мечтала,
Что мой избранник будет не таким.

Он виделся мне рослым и плечистым,
Уверенно идущим по земле.
Поэтом, музыкантом или артистом,
С печатью вдохновенья на челе.

Нет, вы не улыбайтесь! Я серьезно.
Мне чудился громадный, светлый зал
И шум оваций, яростно и грозно
К его ногам катящийся, как вал.

Или вот так: скворцы, веранда, лето.
Я поливаю клумбу с резедой,
А он творит. И сквозь окно порой
Нет-нет и спросит у меня совета.

Вагон дремал под ровный стук колес...
Соседка, чиркнув спичкой, закурила.
Но пламени почти не видно было
При пламенной косметике волос.

Одета ярко и не слишком скромно,
Хорошенькое круглое лицо,
В ушах подвески, на руке кольцо,
Вишневый рот и взгляд капризно-томный.

Плывет закат вдоль скошенного луга,
Чай проводник разносит не спеша,
А дама все описывает друга,
Которого ждала ее душа.

Чего здесь только нет: талант, и верность,
И гордый профиль, и пушистый ус,
И мужество, и преданность, и нежность,
И тонкий ум, и благородный вкус...

Я промолчал. Слова нужны едва ли?!
И все ж хотелось молвить ей сейчас:
«Имей он все, о чем вы тут сказали,
Он, может быть, и выбрал бы не вас».

1961

Телефонный звонок

Резкий звон ворвался в полутьму,
И она шагнула к телефону,
К частому, настойчивому звону.
Знала, кто звонит и почему.

На мгновение стала у стола,
Быстро и взволнованно вздохнула,
Но руки вперед не протянула,
И ладонь на трубку не легла.

А чего бы проще: взять и снять
И, не мучась и не тратя силы,
Вновь знакомый голос услышать
И опять оставить все, как было.

Только разве тайна, что тогда
Возвратятся все ее сомненья.
Снова и обман, и униженья –
Все, с чем не смириться никогда!

Звон кружил, дрожал, не умолкая,
А она стояла у окна,
Всей душою, может, понимая,
Что менять решенья не должна.

Все упрямей телефон звонил,
Но в ответ – ни звука, ни движенья.
Вечер этот необычным был,
Этот вечер – смотр душевных сил,
Аттестат на самоуваженье.

Взвыл и смолк бессильно телефон.
Стало тихо. Где-то пели стройно...
Дверь раскрыла, вышла на балкон.
В первый раз дышалось ей спокойно.

1961

Звезды служат влюбленным

Реки служат судам,
Травы служат стадам,
Рельсы – гулким колесам вагонным.
Птицы служат садам,
Маяки – морякам,
Звезды служат влюбленным.

Льют созвездья на землю таинственный свет,
Но ни трасс, ни путей к ним космических нет,
К ним, всегда добела раскаленным.
Космодром для ракет –
Лишь прохлада планет.
Звезды ж светят одним влюбленным.

Говорят, что влюбленный – это чужак.
Внешне, может, и так, но по сути не так.
Просто он изнутри озаренный.
Не косись на него с недоверьем, профком,
Кто рекорды дает и живет с огоньком?
Да, конечно же, он, влюбленный!

Кто влюблен – тот не ищет покойных путей,
Рвется к ветру и к звездам с любимой своей,
Всей земной красотой окрыленный.
«Жить с романтикой!» – это влюбленных закон,
Ну а кто не романтик, то попросту он
Вообще никакой не влюбленный.

Майский вечер затих в синеве тополей,
И гирлянды мигающих дальних огней
Над широким зажглись небосклоном.
Это так хорошо, что составы бегут,
Что на свете есть счастье, что птицы поют
И что звезды горят влюбленным!..

1962

Обидная любовь

Пробило десять. В доме – тишина.
Она сидит и напряженно ждет.
Ей не до книг сейчас и не до сна:
Вдруг позвонит любимый, вдруг придет?!

Пусть вечер люстру звездную включил,
Не так уж поздно, день еще не прожит.
Не может быть, чтоб он не позвонил!
Чтобы не вспомнил – быть того не может!

«Конечно же, он рвался, и не раз,
Но масса дел: то это, то другое...
Зато он здесь и сердцем и душою».
К чему она хитрит перед собою
И для чего так лжет себе сейчас?

Ведь жизнь ее уже немало дней
Течет отнюдь не речкой Серебрянкой:
Ее любимый постоянно с ней –
Как хан Гирей с безвольной полонянкой.

Случалось, он под рюмку умилялся
Ее душой: «Так преданна всегда!»
Но что в душе той – радость иль беда?
Об этом он не ведал никогда,
Да и узнать ни разу не пытался.

Хвастлив иль груб он, трезв или хмелен,
В ответ – ни возражения, ни вздоха.
Прав только он, и только он умен,
Она же лишь «чудачка» и «дуреха».

И ей ли уж не знать о том, что он
Ни в чем и никогда с ней не считался,
Сто раз ее бросал и возвращался,
Сто раз ей лгал и был всегда прощен.

В часы невзгод твердили ей друзья:
– Да с ним пора давным-давно расстаться.
Будь гордою. Довольно унижаться!
Сама пойми: ведь дальше так нельзя!

Она кивала, плакала порой.
И вдруг смотрела жалобно на всех:
– Но я люблю... Ужасно... Как на грех!..

И он уж все же не такой плохой!

Тут было бесполезно препираться,
И шла она в свой добровольный плен,
Чтоб вновь служить, чтоб снова унижаться
И ничего не требовать взамен.

Пробило полночь. В доме тишина...
Она сидит и неотступно ждет.
Ей не до книг сейчас и не до сна:
Вдруг позвонит? А вдруг еще придет?

Любовь приносит радость на порог.
С ней легче верить, и мечтать, и жить.
Но уж не дай, как говорится, Бог
Вот так любить!

1962

«Ты грустишь и, косу тебе...»

Ты грустишь и, косу тебе,
Молча смотришь в сумрак за окном...
Чем же мне порадовать тебя?
Как зажечь глаза твои огнем?

Ты романтик. Прямо на звезду
Проложу я серебристый след.
Для тебя я в летчики пойду.
Ну скажи: ты рада или нет?

Хочешь, смело в космос полечу?
– Не хочу.

Ты грустишь и, косу тебе,
Молча смотришь в сумрак за окном...
Чем же мне порадовать тебя?
Как зажечь глаза твои огнем?

Здесь дождя холодная стена.
А на юге солнечный закат...
В берег бьет зеленая волна,
Расцветают персик и гранат.

Хочешь, на Кавказ тебя умчу?
– Не хочу!

Ты грустишь и, косу тебе,
Молча смотришь в сумрак за окном...
Чем же мне порадовать тебя?
Как зажечь глаза твои огнем?

Не сердись, додумаюсь, пойму.
Может, и отыщется струна.
Может, в космос мчаться ни к чему
И волна морская не нужна?

Хочешь стать моею навсегда?
– Да!..

1962

Девушка

Девушка, вспыхнув, читает письмо.
Девушка смотрит пытливо в трюмо.
Хочет найти и увидеть сама
То, что увидел автор письма.

Тонкие хвостики выпцветших кос,
Глаз небольших синева без огней.
Где же «червонное пламя волос»?
Где «две бездонные глубины морей»?

Где же «классический профиль», когда
Здесь лишь кокетливо вздернутый нос?
«Белая кожа»... Но гляньте сюда:
Если он прав, то куда же тогда
Спрятать веснушки? Вот в чем вопрос!

Девушка снова читает письмо,
Снова с надеждою смотрит в трюмо.
Смотрит со скидками, смотрит пристрастно,
Ищет старательно, но... напрасно!

Ясно, он просто над ней подшутил.
Милая шутка! Но кто разрешил?!
Девушка сдвинула брови. Сейчас
Горькие слезы брызнут из глаз...

Как объяснить ей, чудачке, что это
Вовсе не шутка, что хитрости нету.
Просто, где вспыхнул сердечный накал,
Разом кончается правда зеркал!

Просто весь мир озаряется там
Радужным, синим, зеленым...
И лгут зеркала. Не верь зеркалам!
А верь лишь глазам влюбленным!

1962

Письмо любимой

Мы в дальней разлуке. Сейчас между нами
Узоры созвездий и посвист ветров,
Дороги с бегущими вдаль поездами
Да скучная цепь телеграфных столбов.

Как будто бы чувствуя нашу разлуку,
Раскидистый тополь, вздохнув горячо,
К окну потянувшись, зеленую руку
По-дружески мне положил на плечо.

Душа хоть какой-нибудь весточки просит,
Мы ждем, загораемся каждой строкой.
Но вести не только в конвертах приносят,
Они к нам сквозь стены проходят порой.

Представь, что услышишь ты вести о том,
Что был я обманут в пути подлецом,
Что руку, как другу, врагу протянул,
А он меня в спину с откоса толкнул...

Все тело в ушибах, разбита губа...
Что делать? Превратна порою судьба!
И пусть тебе станет обидно, тревожно,
Но верить ты можешь. Такое – возможно!

А если вдруг весть, как метельная мгла,
Ворвется и скажет словами глухими,
Что смерть недопетую песнь прервала
И черной каймой обвела мое имя.

Веселые губы сомкнулись навек...
Утрата, ее ни понять, ни измерить!
Нелепо! И все-таки можешь поверить:
Бессмертны лишь скалы, а я – человек!

Но если услышишь, что вешней порой
За новым, за призрачным счастьем в погоне
Я сердце свое не тебе, а другой
Взволнованно вдруг протянул на ладони, –

Пусть слезы не брызнут, не дрогнут ресницы,
Ключею стужей не стиснет беда!
Не верь! Вот такого не может случиться!
Ты слышишь? Такому не быть никогда!

1962

Одна

К ней всюду относились с уважением, —
И труженик, и добрая жена.
А жизнь вдруг обошлась без сожаленья:
Был рядом муж — и вот она одна...

Бежали будни ровной чередой.
И те ж друзья, и уважение то ж,
Но что-то вдруг возникло и такое,
Чего порой не сразу разберешь.

Приятели, сердцами молодые,
К ней заходя по дружбе иногда,
Уже шутили так, как в дни былые
При муже не решались никогда.

И, говоря, что жизнь — почти ничто,
Коль будет сердце лаской не согрето,
Порою намекали ей на то,
Порою намекали ей на это...

А то при встрече предрекут ей скуку
И даже раздражатся сгоряча,
Коль чью-то слишком ласковую руку
Она стряхнет с колена иль с плеча.

Не верили: ломается, играет.
Скажи, какую сберегает честь!

Одно из двух: иль цену набивает,
Или давно уж кто-нибудь да есть...

И было непонятно никому,
Что и одна — она верна ему!

1962

Первый поцелуй

Мама дочь ругает строго
За ночное возвращенье.
Дочь зарделась у порога
От обиды и смущенья.

А слова звучат такие,
Что пощечин тяжелей.
Оскорбительные, злые,
Хуже яростных шмелей.

Друг за другом мчат вдогонку,
Жгут, пронзают, как свинец...
Но за что клянут девчонку?!
В чем же дело, наконец?

Так ли страшно опоздание,
Если в звоне вешних струй
Было первое свидание,
Первый в жизни поцелуй!

Если счастье не из книжки,
Если нынче где-то там
Бродит он, ее парнишка,
Улыбаясь звездным вспышкам,
Людям, окнам, фонарям...

Если нежность их созрела,
Школьным догмам вопреки.
Поцелуй – он был несмелым,
По-мальчишьи неумелым,
Но упрямым по-мужски.

Шли то медленно, то быстро,
Что-то пели без конца...
И стучали чисто-чисто,
Близко-близко их сердца.

Так зачем худое слово?
Для чего нападок гром?
Разве вправду эти двое
Что-то делают дурное?
Где ж там грех? Откуда? В чем?

И чем дочь громить словами,
Распаляясь, как в бою,

Лучше б просто вспомнить маме
Сад с ночными соловьями,
С песней, с робкими губами –
Юность давнюю свою.

Как была счастливой тоже,
Как любила и ждала,
И тогда отнюдь не строже,
Даже чуточку моложе
Мама дочери была.

А ведь вышло разве скверно?
До сих пор не вянет цвет!
Значит, суть не в том, наверно:
Где была? Да сколько лет?

Суть не в разных поколениях,
Деготь может быть везде.
Суть здесь в чистых отношениях,
В настоящей красоте!

Мама, добрая, послушай:
Ну зачем сейчас гроза?!
Ты взгляни девчонке в душу,
Посмотри в ее глаза.

Улыбнись и верь заране
В золотишки вешних струй,
В это первое свиданье,
В первый в жизни поцелуй!

1962

Стихи об одной любви

Он так любовь свою берег,
Как берегут цветы.
И так смущался, что не мог
Сказать ей даже «ты».

Он ей зимой коньки точил,
Для книжек сделал полку,
Все чертежи ее чертил
И тайно в паспорте хранил
Зеленую закладку.

Она смеялась – он светлел.
Грустила – он темнел.
И кто сказал, что будто нет
Любви в шестнадцать лет?!

К тому, что будет впереди,
Навстречу всей вселенной
Бежали рядом два пути,
Сближаясь постепенно.

Робея под лучами глаз,
Не смея губ коснуться,
Он не спешил: настанет час,
Когда пути сольются.

Когда придут взамен тревог
Слова «люблю» и «да»
И над скрещеньем двух дорог
Не робкий вспыхнет огонек,
А жаркая звезда.

И жизнь была бы хороша,
Презрей он ту «услугу».
Но раз не вынесла душа,
И он, волнуясь и спеша,
Во всем открылся другу.

Тот старше был и больше знал
И тем слегка гордился.
– Ты просто баба, – он сказал, –
Как маленький, влюбился!

Любовь не стоит ни гроша,
Коль сердце только тает.

Запомни: женская душа
Несмелых презирает!

Она ж смеется над тобой
Почти наверняка.
Да где характер твой мужской
И твердая рука?!

Потребуй все. Не отступай!
Смелей иди вперед!
Она – твоя! Не трусь и знай:
Кто любит – не уйдет!

И чтоб в любви не знать обид,
Запомни навсегда:
Что грубость девушка простит,
А глупость никогда!

Весенний ветер ли подул,
Коварен и лукав,
Иль друга речь, иль крови гул,
Но парень, выслушав, кивнул:
– Возможно, ты и прав...

Звенела ночь, луна плыла,
Как ворон, мгла кружила,
И хоть растеряна была,
Она и вправду не ушла,
Наверное, любила.

Гремели зори у реки
Кантатами скворцов,
И мчались дни, как огоньки,
Как стрелы поездов.

Теперь волнениям конец!
Победа и покой!
Но почему же стук сердец
Подавленный такой?

Он так любимую берег,
Как берегут цветы.
И так смущался, что не мог
Сказать ей даже «ты».

Но друг явился и «помог».
И он сумел, он вырвать смог
Растерянное «да»...
Так почему ж в конце пути,

Куда он должен был прийти,
Не вспыхнула звезда?!

Тебе б смеяться поутру,
А ты весь будто сварен.
Зачем стоишь ты на ветру?
О чем ты плачешь, парень?

Эх, снять бы голову ему –
Скотине, другу твоему!

1962

Таежный родник

Мчится родник среди гула таежного,
Бойкий, серебряный и тугой.
Бежит возле лагеря молодежного
И все, что услышит, несет с собой.

А слышит он всякое, разное слышит:
И мошек, и травы, и птиц, и людей,
И кто что поет, чем живет и чем дышит, –

И все это пишет, и все это пишет
На тонких бороздках струи своей.

Эх, если б хоть час мне в моей судьбе
Волшебный! Такой, чтоб родник этот звонкий
Скатать бы в рулон, как магнитную пленку,
И бандеролью послать тебе.

Послать, ничего не сказав заранее.
И вот, когда в доме твоём – никого,
Будешь ты слушать мое послание,
Еще не ведая ничего.

И вдруг – будто разом спадет завеса:
Послышится шишки упавшей звук,
Трещанье кузнечика, говор леса
Да дятла-трудяги веселый стук.

Вот шутки и громкие чьи-то споры,
Вот грохот ведерка и треск костра,
Вот звук поцелуя, вот песни хором,
Вот посвист иволги до утра.

Кружатся диски, бегут года.
Но вот, где-то в самом конце рулона,
Возникнут два голоса окрыленных,
Где каждая фраза – то «нет», то «да».

Ты встала, поправила нервно волосы,
О дрогнувший стул оперлась рукой,
Да, ты узнала два этих голоса,
Два радостных голоса: твой и мой!

Вот они рядом, звенят и льются,
Они заполняют собой весь дом!
И так они славно сейчас смеются,

Как нам не смеяться уже потом...

Но слушай, такого же не забудешь,
Сейчас, после паузы, голос мой
Вдруг шепотом спросит: – Скажи, ты любишь?
А твой засмеется: – Пусти, задушишь!
Да я, хоть гони, навсегда с тобой!

Где вы – хорошие те слова?
И где таежная та дорожка?
Я вижу сейчас, как твоя голова
Тихо прижалась к стеклу окошка.

И стало в уютной твоей квартире
Вдруг зябко и пусто, как никогда.
А голоса, сквозь ветра и года,
Звонят, как укор, все светлей и шире...

Прости, если нынче в душе твоей
Вызвал я отзвук поры тревожной.
Не плачь! Это только гремит ручей
Из дальней-предальной глуши таежной.

А юность, она и на полчаса –
Зови не зови – не вернется снова.
Лишь вечно звонят и звонят голоса
В немолчной воде родника лесного.

1963

За счастьем!

У них в ушах горячий звон.
У ног лежит луна.
Парнишка по уши влюблен.
По маковку она.

Шуршит, кружа под фонарем,
Осенний листопад.

Он вдруг сказал: – Давай пойдем
Куда глаза глядят!

И как огнем подожжена
Волнением его:
– Идем! – ответила она. –
До счастья самого.

И вот влюбленные в пути.
Костром горит восход.
Их где-то счастье впереди
Неведомое ждет!

И долго время их вело
По магистралям гулким.
А счастье, просто как назло,
Все время дома их ждало,
В родимом переулке...

1963

Ненужные споры

Двое ссорились, даже кричали,
Потом устали в конце концов.
Сердито затихли. И так молчали.
Наверно, не меньше пяти часов.

А где-то в это время смеялись,
Ходили в кино и читали стихи,
Работали, пели, мечтали, влюблялись,
Смотрели спектакль, напряженно-тихи.

Где-то дома к небесам возводили,
Играли в теннис, ловили бычков –
Короче, дышали! Короче, жили!
А здесь будто склеп: ни улыбок, ни слов...

И вряд ли обоим сейчас понятно,
Что эти часы, как бессмысленный бег,
Для них потеряны безвозвратно,
Из жизни вычеркнуты навек!

Наука на все ответы находит.
Она утверждает: – Имейте в виду,
Полчеловеческой жизни уходит
На сон, на транспорт и на еду.

А чем порой эта жизнь полна?
И много ль отпущено нам от века?
Ведь если подумать, то жизнь человека
Не так уж и слишком, увы, длинна...

Какой же статистик за нас учтет
Время, ушедшее на раздоры,
На злые слова, на обиды, на споры?
А жизнь ведь не поезд, она не ждет.

Конечно, можно хитрить, улыбаться:
«Подумаешь, важный какой разговор!»
А если по совести разобраться,
Сколько на свете ненужных ссор!

Поссорились, вспыхнули, побледнели...
Только б не сдаться! Не уступить!
А это ведь дни, а это недели
И, может быть, годы, коль все сложить.

И хочется мне постучать, обратиться
В тысячи окон, в сотни квартир:
– Кто в ссоре, прошу вас, идите мириться!
Милые люди! Давайте учиться
В собственном доме бороться за мир!

1964

Зимняя сказка

Метелица, как медведица,
Весь вечер буянит зло,
То воет внизу под лестницей,
То лапой скребет стекло.

Дома под ветром сутулятся,
Плывут в молоке огоньки,
Стоят постовые на улицах,
Как белые снеговики.

Сугробы выгнули спины,
Пушистые, как из ваты,
И жмутся к домам машины,
Как зябнувшие щенята...

Кружится ветер белый,
Посвистывает на бегу...
Мне нужно заняться делом,
А я никак не могу.

Приемник бурчит бессвязно,
В доме прохладней к ночи,
Чайник мурлычет важно,
А закипать не хочет.

Все в мире сейчас загадочно,
Все будто летит куда-то,
Метельно, красиво, сказочно...
А сказкам я верю свято.

Сказка... Мечта-полуночица...
Но где ее взять? Откуда?
А сердцу так чуда хочется,
Пусть маленького, но чуда!

До боли хочется верить,
Что сбудутся вдруг мечты...
Сквозь вьюгу звонок у двери –
И вот на пороге ты!

Трепетная, смущенная.
Снится или не снится?!
Снегом запорошенная,
Звездочки на ресницах...

– Не ждал меня? Скажешь, дурочка?
А я вот явилась... Можно? –
Сказка моя! Снегурочка!
Чудо мое невозможное!

Нет больше зимней ночи!
Сердцу хмельно и ярко!
Весело чай клокочет,
В доме, как в пекле, жарко...

Довольно! Хватит! Не буду!
Полночь... Гудят провода...
Гаснут огни повсюду.
Я знаю: сбывается чудо,
Да только вот не всегда...

Метелица, как медведица,
Косматая голова.
А сердцу все-таки верится
В несбыточные слова:

– Не ждал меня? Скажешь, дурочка?
Полночь гудит тревожная...
Где ты, моя Снегурочка,
Сказка моя невозможная?..

1964

Одно письмо

Как мало все же человеку надо!
Одно письмо. Всего-то лишь одно.
И нет уже дождя над мокрым садом,
И за окошком больше не темно...

Зажглись рябин веселые костры,
И все вокруг вишнево-золотое...
И больше нет ни нервов, ни хандры,
А есть лишь сердце радостно-хмельное!

И я теперь богаче, чем банкир.
Мне подарили птиц, рассвет и реку,
Тайгу и звезды, море и Памир.
Твое письмо, в котором целый мир.
Как много все же надо человеку!

1965

Я провожу тебя

О, как ты щебечешь весело,
И как хлопотлива ты:
Жакетку на стул повесила,
Взялась поливать цветы.

С мебели пыль смахнула,
Заварку нашла на окне
И, как бы вскользь, намекнула
На нежность свою ко мне.

Вся из тепла и света,
Ты улыбаешься мне.
А я от улыбки этой
В черном горю огне!

А я сижу и не знаю:
Зачем вот такая ты?
И просто сейчас страдаю
От этой твоей теплоты.

Как много ты производишь
Сейчас торопливых слов!
То дразнишь, то будто просишь
Откликнуться на любовь.

Грозишься, словно кометой,
Сердцем мой дом спалить.
А мне от нежности этой
Волком хочется выть!

Ну, как ты не чувствуешь только
И как сама не поймешь,
Что нет здесь любви нисколько
И каждая фраза – ложь!

Хуже дурной напасти
Этот ненужный фарс.
Ведь нет же ни грамма счастья
В свиданье таком для нас.

И если сказать открыто,
Ты очень сейчас одна,
Ты попросту позабыта
И больше ему не нужна.

А чтобы не тяжело было,
Ты снова пришла ко мне,
Как лыжница, что решила
По старой пойти лыжне.

Как будто бы я любитель
Роли «чужая тень»,
Иль чей-нибудь заместитель,
Иль милый на черный день.

Но я не чудака. Я знаю:
Нельзя любить – не любя!
Напьемся-ка лучше чаю,
И я провожу тебя...

Сегодня красивый вечер:
Лунный свет с тишиной,
Звезды горят, как свечи,
И снег голубой, голубой...

В мире все повторяется:
И ночь, и метель в стекло.
Но счастье не возвращается
К тем, от кого ушло.

Всем светлым, что было меж нами,
Я как святым дорожу.
Давай же будем друзьями,
И я тебя провожу!

1965

«Все как будто сделал славно я...»

Все как будто сделал славно я:
Кончил разом все сомнения.
Понял вдруг, что ты – не главная:
Не любовь, а увлечение.

Ты, я верю, не плохая,
Ни игры в тебе, ни зла,
Ничего не ожидая,
Все дарила, что могла.

Только счастье невозможно
Без клубящихся дорог,
Слишком было все несложно,
Слишком много было можно,
Но ни бурь и ни тревог...

Видно, в том была причина,
Что любовь не жгла огнем,
И была не ярким сном,
А простой, как та рябина
У тебя перед окном.

И ушел я в синий вечер,
Веря в дальнюю звезду.
В путь! В пути я счастье встречу,
Здесь – закахну, пропаду.

Все как будто сделал правильно,
Кончил разом все сомнения:
Понял ведь, что мной оставлено
Не любовь, а увлечение.

Значит, скоро распахнется
Даль счастливых, новых дней.
Сердце песней захлебнется.
Годы мчат... Дорога вьется...
Только сердцу не поется,
Не поется, хоть убей!

Только холодно и тесно
Стало сердцу моему.
Все как будто сделал честно,
В чем же дело – не пойму!

Отчего сквозь километры,

Как в тумане голубом,
Я все чаще вижу дом,
Шторку, вздутую от ветра,
И рябину под окном?!

1965

Сердечная история

Сто раз решал он о любви своей
Сказать ей твердо. Все как на духу!
Но всякий раз, едва встречался с ней,
Краснел и нес сплошную чепуху.

Хотел сказать решительное слово,
Но, как на грех, мучительно мычал.
Невесть зачем цитировал Толстого
Или вдруг просто каменно молчал.

Вконец растратив мужество свое,
Шагал домой, подавлен и потерян,
И только с фотографией ее
Он был красноречив и откровенен.

Перед простым любительским портретом
Он смелым был, он был самим собой.
Он поверял ей думы и секреты,
Те, что не смел открыть перед живой.

В спортивной белой блузке возле сетки,
Прядь придержав рукой от ветерка,
Она стояла с теннисной ракеткой
И, улыбаясь, шурилась слегка.

А он смотрел, не в силах оторваться,
Шепча ей кучу самых нежных слов.
Потом вздыхал: – Тебе бы все смеяться,
А я тут пропадай через любовь!

Она была повсюду, как на грех:
Глаза... И смех – надменный и пьянящий.
Он и во сне все слышал этот смех
И клял себя за трусость даже спящий.

Но час настал. Высокий, гордый час!
Когда решил он, что скорей умрет,
Чем будет тряпкой. И на этот раз
Без ясного ответа не уйдет!

Средь городского шумного движенья
Он шел вперед походкою бойца,
Чтоб победить иль проиграть сраженье,
Но ни за что не дрогнуть до конца!

Однако то ли в чем-то просчитался,
То ли споткнулся где-то на ходу,
Но вновь краснел, и снова заикался,
И снова нес сплошную ерунду.

– Ну, вот и все! – Он вышел на бульвар,
Достал портрет любимой машинально,
Сел на скамейку и сказал печально:
– Вот и погиб «решительный удар»!

Тебе небось смешно, что я робею.
Скажи, моя красивая звезда:
Меня ты любишь? Будешь ли моею?
Да или нет? – И вдруг услышал: – Да!

Что это? Бред? Иль сердце виновато?
Иль просто клен прошелестел листвою?
Он обернулся: в пламени заката
Она стояла за его спиной.

Он мог поклясться, что такой прекрасной
Еще ее не видел никогда.
– Да, мой мучитель! Да, молчун несчастный!
Да, жалкий трус! Да, мой любимый! Да!

1965

Вторая любовь

Что из того, что ты уже любила,
Кому-то, вспыхнув, отворяла дверь.
Все это до меня когда-то было,
Когда-то было в прошлом, не теперь.

Мы словно жизнью зажили второю,
Вторым дыханьем, песнею второй.
Ты счастлива, тебе светло со мною,
Как мне тепло и радостно с тобой.

Но почему же все-таки бывает,
Что незаметно, изредка, тайком
Вдруг словно тень на сердце набегают
И остро-остро колет холодком...

О нет, я превосходно понимаю,
Что ты со мною встретилась любя.
И все-таки я где-то ощущаю,
Что, может быть, порою открываю
То, что уже открыто для тебя.

То вдруг умело галстук мне завяжешь,
Уверенной ли шуткой рассмешишь,
Намеком ли без слов о чем-то скажешь
Иль кулинарным чудом удивишь.

Да, это мне и дорого и мило,
И все-таки покажется порой,
Что все это уже, наверно, было,
Почти вот так же, только не со мной.

А как душа порой кричать готова,
Когда в минуту ласки, как во сне,
Ты вдруг шепнешь мне трепетное слово,
Которое лишь мне, быть может, ново,
Но прежде было сказано не мне.

Вот так же точно, может быть, порою
Нет-нет и твой вдруг потемнеет взгляд,
Хоть ясно, что и я перед тобою
Ни в чем былом отнюдь не виноват.

Когда любовь врывается вторая
В наш мир, горя, кружа и торопя,
Мы в ней не только радость открываем,

Мы все-таки в ней что-то повторяем,
Порой скрывая это от себя.

И даже говорим себе нередко,
Что первая была не так сильна,
И зелена, как тоненькая ветка,
И чуть наивна, и чуть-чуть смешна...

И целый век себе не признаемся,
Что, повстречавшись с новой, другой,
Какой-то частью все же остаемся
С ней, самой первой, чистой и смешной.

Двух равных песен в мире не бывает,
И сколько б звезд ни поманило вновь,
Но лишь одна волшебством обладает,
И, как ни хороша порой вторая,
Все ж берегите первую любовь!

1965

Спор

Однажды три друга за шумным столом
Пустились в горячие споры о том,
Что женщина ценит превыше всего
В характере нашем мужском.

Первый воскликнул: – К чему этот шум?
Скажу без дальних речей,
Что женщин всегда покоряет ум.
И это всего важней!

В этом наш главный авторитет.
Ум – это все, друзья.
«Да здравствует разум!» – сказал поэт,
И лучше сказать нельзя!

Второй, улыбнувшись, приподнял бровь:
– Совсем не в этом вопрос.
Женщина – это сама любовь!
И любит она всерьез.

И нет для мужчины уже ничего
Прямее, чем этот путь.
Он должен быть любящим прежде всего.
И в этом, пожалуй, суть!

А третий, встав, перебил друзей:
– Бросьте все препирания.
Для женщин на свете всего важней
Внимание и внимание!

Пальто подавайте. Дарите ей
Цветы. Расшибайтесь в прах!
Ну, в общем, тысячи мелочей –
И счастье у вас в руках!

На улицу вышли, а спор сильней.
Ну как решение найти?
И тут повстречали трое друзей
Женщину на пути.

Сказали друзья: – Позвольте спросить,
Ответьте двумя словами:
Каким, по-вашему, должен быть
Мужчина, избранный вами?!

Какое свойство кажется вам
Особенно привлекательным?
– Он должен быть умным, – сказала она,
Любящим и внимательным.

1965

Был у меня соперник

Был у меня соперник, неглупый был и красивый,
Рожденный, видать, в рубашке – все
удавалось ему.
Был он не просто соперник, а, как говорится,
счастливый,
Та, о которой мечтал я, сердцем рвалась к нему.

И все-таки я любовался, под вечер ее встречая,
Нарядную, с синими-синими звездами вместо глаз,
Была она от заката вся словно бы золотая,
И я понимал, куда она торопится в этот час.

Конечно, мне нужно было давно уж махнуть
рукою.
На свете немало песен, и радостей, и дорог,
И встретить глаза другие, и счастье встретить
другое,
Но я любил. И с надеждой расстаться никак
не мог.

Нет, слабым я не был. Напротив, я не желал
сдаваться!
Я верил: зажгу, сумею, заставлю ее полюбить!
Я даже от матери втайне гипнозом стал
заниматься.
Гипноз не пустяк, а наука. Тут всякое
может быть!

Шли месяцы. Как и прежде, в проулке меня
встречая,
Она на бегу кивала, то холодно, то тепло.
Но я не сдавался. Ведь чудо не только
в сказках бывает...
И вот однажды свершилось. Чудо произошло!

Помню холодный вечер с белой колючей крупкой
И встречу с ней, с необычной и словно бы
вдруг хмельной.
С глазами не синими – черными, в распахнутой
теплой шубке,
И то, как она сказала: – Я жду тебя здесь.
Постой!

И дальше как в лихорадке: – Ты любишь,
я знаю, знаю!

Ты славный... Я все решила... Отныне
и навсегда...
Я словно теперь проснулась, все заново открываю...
Ты рад мне? Скажи: ты любишь? – Я еле
выдохнул:
– Да!

Тучи исчезли. И город ярким вдруг стал
и звонким,
Словно иллюминацию развесили до утра.
Звезды расхохотались, как озорные девчонки,
И, закружившись в небе, крикнули мне: – Ура!

Помню, как били в стекла фар огоньки ночные,
И как мы с ней целовались даже на самой заре,
И как я шептал ей нежности, глупые и смешные,
Которых, наверное, нету еще ни в одном
словаре...

И вдруг, как в бреду, как в горячке: –
А здорово я проучила!
Пусть знает теперь, как с другими встречаться
у фонарей!
Он думал, что я заплачу... А я ему отомстила!
Меня он не любит? Прекрасно. Тем будет ему
больней.

С гулом обрушилось небо, и разом на целом свете
Погасли огни, как будто полночь пришла навек.
Возглас: – Постой! Куда ты?.. – Потом
сумасшедший ветер.
Улицы, переулки... Да резкий, колючий снег...

Бывают в любви ошибки, и, если сказать по чести,
Случается, любят слабо, бывает, не навсегда.
Но говорить о нежности и целовать из мести –
Вот этого, люди, не надо, не делайте никогда!

1966

Раздумье о сердцах

Сколько влюбленных живет по свету?
Такой статистики нет пока.
Но если полчеловечества нету,
То треть, пожалуй, наверняка.

А все остальные, а все остальные
Влюблялись уже или только влюбятся.
И каждый, на звезды глядя ночные,
Мечтает, что счастье когда-нибудь сбудется.

Но в чем же счастье твое на планете?
– Оно в любви, что, как мир, широка! –
Не все человечество так ответит,
Но полчеловечества – наверняка.

А кто хоть однажды в хороший вечер,
Со стрелок часов не спуская глаз,
Не ожидал назначенной встречи
И не признался в любви хоть раз?!

Есть в слове «любовь» и хмельная сила,
И радость надежды, и боль, и тоска,
И если его смущенно и мило
Не все человечество произносило,
То девять десятых – наверняка.

Но слово сказать – не сердце отдать.
Отсутствие чувств не заменишь ничем.
Любовь не всем суждено познать,
Она, как талант, дается не всем.

А сколько людей, а сколько людей
По всякому поводу и без повода
Готовы сказать о любви своей,
Как телеграмму послать по проводу.

Поцеловал, еще не любя,
Обнял взволнованно раз, другой,
И сразу: – Поверь, я люблю тебя! –
И тотчас, как эхо: – Любимый мой!

Признавшийся разом в любви навек
Не слишком ли часто порой бывает
Похож на банкрота, что выдал чек,
А как расплатиться потом – не знает.

На свете немало хороших слов.
Зачем же их путать себе на горе.
Влюбленность – ведь это еще не любовь.
Как речка, пусть даже без берегов,
Пусть в самый разлив – все равно не море!

Не можешь любовью гореть – не гори.
Влюблен, про влюбленность и говори.
Нежность тоже ценить умей,
Пусть это меньше. Но так честней.

И если не каждый любит пока,
Так пусть и не каждый то слово скажет.
Не все и не полчеловечества даже,
А те лишь, кто любит. Наверняка!

1966

«Забыв покой, дела и развлечения...»

Забыв покой, дела и развлечения,
Пренебрегая солнцем и весной,
При каждой нашей встрече мы с тобой,
Страдая, выясняем отношенья.

Нет, мы почти никак не поступаем.
До ласки ли? Раздув любой пустяк,
Мы спорим, говорим и обсуждаем,
Что так у нас с тобой и что не так.

Ну что еще: мы вместе, мы одни!
Так нет же ведь! Как варвары, наверно,
Мы медленно, старательно и верно
Друг другу укорачиваем дни...

Мы быть ужасно мудрыми стараемся,
От всех себя ошибок бережем.
И скоро до того «довыясняемся»,
Что ничего уже не разберем!

Размолвки, споры, новые сомненья...
И нам, наверно, невдомек сейчас,
Что вот как раз все эти выясненья
И есть ошибка главная у нас.

И чтоб не кончить на душевной скупости,
Давай же скажем: «Хватит! Наплевать!»
Возьмем и будем делать кучу глупостей,
Да, да, десятки самых чудных глупостей,
И ничего не будем обсуждать!

1967

Любовь и трусость

Почему так нередко любовь непрочна?
Несхожесть характеров? Чья-то узость?
Причин всех нельзя перечислить точно,
Но главное все же, пожалуй, трусость.

Да, да, не раздор, не отсутствие страсти,
А именно трусость – первопричина.
Она-то и есть та самая мина,
Что чаще всего подрывает счастье.

Неправда, что будто мы сами порою
Не ведаем качеств своей души.
Зачем нам лукавить перед собою,
В основе мы знаем и то и другое,
Когда мы плохи и когда хороши.

Пока человек потрясений не знает,
Неважно – хороший или плохой,
Он в жизни обычно себе разрешает
Быть тем, кто и есть он. Самим собой.

Но час наступил – человек влюбляется.
Нет, нет, на отказ не пойдет он никак.
Он счастлив. Он страстно хочет понравиться.
Вот тут-то, заметьте, и появляется
Трусость – двуличный и тихий враг.

Волнуясь, боясь за исход любви
И словно стараясь принарядиться,
Он спрятать свои недостатки стремится,
Она – стушевать недостатки свои.

Чтоб, нравясь, быть самыми лучшими, первыми,
Чтоб как-то «подкрасить» характер свой,
Скупые на время становятся щедрыми,
Неверные – сразу ужасно верными,
А лгуны за правду стоят горой.

Стремясь, чтобы ярче зажглась звезда,
Влюбленные словно на цыпочки встали
И вроде красивей и лучше стали.
«Ты любишь?» – «Конечно!»
«А ты меня?» – «Да!»

И все. Теперь они муж и жена.

А дальше все так, как случиться и должно:
Ну сколько на цыпочках выдержать можно?!
Вот тут и ломается тишина...

Теперь, когда стали семейными дни,
Нет смысла играть в какие-то прятки.
И лезут, как черти, на свет недостатки,
Ну где только, право, и были они?

Эх, если б любить, ничего не скрывая,
Всю жизнь оставаясь самим собой,
Тогда б не пришлось говорить с тоской:
«А я и не думал, что ты такая!»
«А я и не знала, что ты такой!»

И может, чтоб счастье пришло сполна,
Не надо душу двоить свою.
Ведь храбрость, пожалуй, в любви нужна
Не меньше, чем в космосе или в бою!

1967

Лесная сказка

Ты хочешь, чтоб звезды посыпались
Со звоном в твои ладони?
Чтоб с шумом из мрака вырвались
Костров гривастые кони?

Чтоб ветви, сомкнув объятья,
Твое повторяли имя?
Чтоб стало парчовым платье,
А туфельки – золотыми?

Ты хочешь, чтоб соболев черный
Дал гордый разлет бровям?
Чтоб сорок ветров покорно
Упали к твоим ногам?

Чтоб в курточках темно-зеленых,
Посыпавшись вдруг с ветвей,
Двести веселых гномов
Стали свитой твоей?

Ты хочешь, чтоб в пестрых красках,
Звездой отразясь в реке,
Вышла из леса сказка
С жар-птицею на руке?

А хочешь, скажи, ты хочешь
Такою красивой стать,
Что даже у южной ночи
Уж нечего будет взять?..

Ты верь мне, я лгать не буду!
Есть сто золотых ключей,
Я все их тебе добуду!
Я сто отыщу дверей!

А чтоб распахнуть их сразу
В волшебную ту страну,

Скажи мне одну лишь фразу,
Одну лишь, всего одну!

Слова в ней совсем простые,
Но жар их сильнее огня.
Скажи мне слова такие –
Скажи, что любишь меня!

1967

Добрый принц

Ты веришь, ты ищешь любви большой,
Сверкающей, как родник.
Любви настоящей, любви такой,
Как в строчках любимых книг.

Когда повисает вокруг тишина
И в комнате полутемно,
Ты часто любишь сидеть одна,
Молчать и смотреть в окно.

Молчать и видеть, как в синей дали,
За звездами, за морями,
Плывут навстречу тебе корабли
Под алыми парусами...

То рыцарь Айвенго, врагов рубя,
Мчится под топот конский.
А то приглашает на вальс тебя
Печальный Андрей Болконский.

Вот шпагой клянется д'Артаньян,
Влюбленный в тебя навеки.
А вот преподносит тебе тюльпан
Пылкий Ромео Монтекки.

Проносится множество глаз и лиц,
Улыбки, одежды, краски...

Вот видишь: красивый и добрый принц
Выходит к тебе из сказки.

Сейчас он с улыбкой наденет тебе
Волшебный браслет на запястье.
И с этой минуты в его судьбе
Ты станешь судьбой и счастьем!

Когда повисает вокруг тишина
И в комнате полутемно,
Ты часто любишь сидеть одна,
Молчать и смотреть в окно...

Слышны далекие голоса,
Плывут корабли во мгле...
А все-таки алые паруса
Бывают и на земле!

И, может быть, возле судьбы твоей
Где-нибудь рядом, здесь,
Есть гордый, хотя неприметный Грэй
И принц настоящий есть!

И хоть он не с книжных сойдет страниц,
Взгляни! Обернись вокруг:
Пусть скромный, но очень хороший друг,
Самый простой, но надежный друг –
Может, и есть тот принц?!

1967

Шаганэ

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
С. Есенин

Ночь нарядно звездами расцветена,
Ровно дышит спящий Ереван...
Возле глаз, собрав морщинки-трещины,
Смотрит в синий мрак седая женщина –
Шаганэ Нерсесовна Тальян.

Где-то в небе мечутся зарницы,
Словно золотые петухи.
В лунном свете тополь серебрится,
Шаганэ Нерсесовне не спится,
В памяти рождаются стихи:

«В Хороссане есть такие двери,
Где обсыпан розами порог.
Там живет задумчивая пери.
В Хороссане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог».

Что же это: правда или небыль?
Где-то в давних, призрачных годах
Пальмы, рыба, сулугуни с хлебом,
Грохот волн в упругий бубен неба
И Батуми в солнечных лучах...

И вот здесь-то в утренней тиши
Встретились Армения с Россией –
Черные глаза и голубые,
Две весенне-трепетных души.

Черные, как ласточки, смущенно
Спрятались за крыльями ресниц.
Голубые, вспыхнув восхищенно,
Загипнотизировали птиц.

Закружили жарко и влюбленно,
Оторвав от будничных оков,
И смотрела ты замороженно
В «голубой пожар» его стихов.

И не для тумана иль обмана
В той восточной лирике своей
Он Батуми сделал Хороссаном –

Так красивей было и звучней.

И беда ли, что тебя, армянку,
Школьную учительницу, вдруг
Он, одев в наряды персиянки,
Перенес на хороссанский юг!

Ты на все фантазии смеялась,
Взмыв на поэтической волне,
Как на звездно-сказочном коне,
Все равно! Ведь имя же осталось:
– Шаганэ!

«В Хороссане есть такие двери,
Где обсыпан розами порог.
Там живет задумчивая пери.
В Хороссане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог».

Что ж, они и вправду не открылись.
Ну а распахнись они тогда,
То, как знать, быть может, никогда
Строки те на свет бы не явились.

Да, он встретил песню на пути.
Тут вскипеть бы яростно и лихо!
Только был он необычно тихим,
Светлым и торжественным почти...

Шаганэ... «Задумчивая пери»...
Ну, а что бы, если в поздний час
Ты взяла б и распахнула двери
Перед синью восхищенных глаз?!

Можно все домысливать, конечно,
Только вдруг с той полночи хмельной
Все пошло б иначе? И навечно
Две дороги стали бы одной?!

Ведь имей он в свой нелегкий час
И любовь, и дружбу полной мерой,
То, как знать, быть может, «Англетера»...
Эх, да что там умничать сейчас!

Ночь нарядно звездами расцвечена,
Ровно дышит спящий Ереван...
Возле глаз собрав морщинки-трещины,
Смотрит в синий мрак седая женщина –
Шаганэ Нерсесовна Тальян.

И, быть может, полночью бессонной
Мнится ей, что расстояний нет,
Что упали стены и законы
И шагнул светло и восхищенно
К красоте прославленный поэт!

И, хмелея, кружит над землею
Тайна жгучих, смолянистых кос
Впережку с песенной волною
Золотых есенинских волос!..

1969

Стихи о несбывшейся встрече

Я решил сегодня написать
О любви и трепетном свиданье.
Парень будет нервничать и ждать,
Только я не дам ему страдать –
Девушка придет без опоздания.

Щедрым быть – так быть им до конца:
Я, как Бог, смету над ними тучи
И навек соединю сердца!
Пусть твердят, что это редкий случай.

Я сейчас такой наверняка
Оттого, что, веруя сердечно,
Жду в четыре твоего звонка
И хороших слов твоих, конечно.

Ждет и парень, молча прислонясь
К синему газетному киоску.
Вытащил часы в десятый раз
И зажег вторую папироску.

Ничего, всему наступит срок:
Будут звезды и счастливый вечер.
Вот сейчас раздастся твой звонок
И она шагнет к нему навстречу.

Но за часом час ползет вослед,
Свет фонарный заиграл на лужах,
А звонка все нет, все нет и нет...
И на сердце хуже все и хуже...

И во мраке, не смыкая глаз,
Парень ждет и только брови хмурит,
На часы глядит в двухсотый раз
И уже вторую пачку курит.

Эх, дружище, ты меня прости
За мою нескладную затею!
Я ж все к счастью думал привести,
Только сам остужен на пути,
А кривить душою не умею.

Если сердце не в ладу с пером –
Я с собою не играю в прятки.

Знаешь, друг, мы лучше подождем,
Вдруг мы зря тревогу эту бьем,
Вдруг да будет все еще в порядке?!

Новый день по крышам семенит...
Нет, неладно что-то получается,
Видно, потеряв последний стыд,
Телефон предательски молчит
Да еще как будто улыбается.

Что ж, неужто вышло не всерьез
То, что было так светло и ясно?
Неужели все оборвалось
И стихи о счастье понапрасну?!

Пятый день... Десятый день идет...
У любви терпение безмерно:
Днем и ночью парень ждет и ждет,
Ждет упрямо, преданно и верно.

Только сколько на планете зла?
Ничего от счастья не осталось.
Так она к нему и не пришла.
Очевидно, дрянью оказалась.

1969

Слово к мужчинам

У нас сегодня было бы смешно
Решать вопрос о равноправье женщины.
Оно, как говорится, «обеспечено»
И жизнью всей давно подтверждено.

Мы говорим: жена, товарищ, мать.
Мы произносим: равенство, свобода.

И все-таки природа есть природа,
И что-то здесь не надо забывать.

Ведь часто милым сами ж до зари
Мы шепчем: «Зяблик... Звездочка родная!»
А через год, от силы через три,
Все это тихо напрочь забываем.

И вот уже вам просто наплевать,
Что «зяблик» ваш, окончив день рабочий,
Такие тащит сумки, между прочим,
Каких и слон не смог бы приподнять!

И почему ж душа у вас не стынет
И на себя не разбирает злость,
Когда вас в дрему телевизор кинет,
А «звездочка» уют в прихожей чинит
Иль в кухне заколачивает гвоздь!

А матери, что дарят день-деньской
Нас лаской и заботами своими...
Они не согласятся на покой,
Но и нельзя ж крутиться им порой
Почти в каком-то тракторном режиме!

Да, никакой их труд не испугает.
Все, если надо, смогут и пройдут.
Но нас это навряд ли возвышает,
И я без колебаний утверждаю:
Есть женский труд и есть неженский труд!

Не зря же в нашем лексиконе есть
Слова или понятие такое,
Как «рыцарство», или «мужская честь»,
Иль попросту «достоинство мужское»!

Нет, ведь не скидка женщине нужна,

А наша чуткость в счастье и кручине.

И если нету рыцарства в мужчине,
То, значит, просто грош ему цена!

И я к мужчинам обращаю речь:
Давайте будем женщину беречь!

1970

Вечная красота

Устав от грома и чада,
От всей городской тесноты,
Человеку порою надо
Скрыться от суеты.

И степи любя, и воды,
Ты все-таки верь словам,
Что лес – это «храм природы».
Лес – он и вправду храм!

И нету на свете средства,
Дающего больше сил.
Ведь с самого малолетства
Он нас красоте учил.

С малиной, с речонкой узкой,
С травами до небес,
Разлапистый, русский-русский,
Грибной и смолистый лес.

В июньское многоцветье
Кинувшись, как в волну,
Скрытый от всех на свете,
Вслушайся в гул столетий
И мягкую тишину.

Взгляни, как рассвет дымится,
Послушай, как синь лесов
Проворней, чем кружевницы
Плетут, расшивают птицы
Трелями всех тонов.

Между кустов склоненных
Паук растянул антенну
И ловит замороженно
Все голоса вселенной.

На рыжем листе букашка
Смешно себе трет живот,
Шмель гудит над ромашкой,
Как маленький самолет.

А в небе, чуть слышный тоже,
Сиреневый хвост стеля,
Летит самолет, похожий

На крохотного шмеля.

И вновь тишина такая,
И снова такой покой,
Что слышно, как пролетает
Листик над головой...

Клены прямые, как свечи,
Стоят перед стайкой ив,
Лапы друг другу на плечи
Ласково положив.

От трав, от цветов дурманных
Почудится вдруг порой,
Что можешь, став великаном,
Скатать, как ковер, поляну
И взять навсегда с собой.

Волшебный снегирь на ветке
С чуть хитроватым взглядом

В красной тугой жилетке
Сидит и колдует рядом.

И вот оживают краски,
И вот уже лес смеется.
За каждым кустом по сказке,
И в каждом дупле – по сказке,
Аукнись – и отзовется...

Как часто в часы волнений
Мы рвемся в водоворот,
Мы ищем людских общений,
Сочувствия, утешений
Как средства от всех невзгод.

А что, если взять иное:
Стремление к тишине.
Душе ведь надо порою
Остаться наедине!

И может, всего нужнее
Уйти по тропе туда,
Где жаром рябина рдеет
И в терпком меду шалфея
Звенит родником вода;

Туда, где душе и глазу
Откроется мудрый мир

И где на плече у вяза
Волшебный поет снегирь.

1970

О скверном и святом

Что в сердце нашем самое святое?
Навряд ли надо думать и гадать.
Есть в мире слово самое простое
И самое возвышенное – Мать!

Так почему ж большое слово это,
Пусть не сегодня, а давным-давно,
Но в первый раз ведь было кем-то, где-то
В кощунственную брань обращено?

Тот пращур был и темный, и дурной
И вряд ли даже ведал, что творил,
Когда однажды взял и пригвоздил
Родное слово к брани площадной.

И ведь пошло же, не осело пылью,
А поднялось, как темная река.
Нашлись другие. Взяли, подхватили
И понесли сквозь годы и века...

Пусть иногда кому-то очень хочется
Хлестнуть врага словами, как бичом,
И резкость на язык не только просится,
А в гневе и частенько произносится,
Но только мать тут все-таки при чем?

Пусть жизнь сложна, пускай порой сурова,
И все же трудно попросту понять,
Что слово «мат» идет от слова «мать»,
Сквернейшее от самого святого!

Неужто вправду за свою любовь,
За то, что родила нас и растила,
Мать лучшего уже не заслужила,
Чем этот шлейф из непристойных слов?!

Ну как позволить, чтобы год за годом
Так оскорблялось пламя их сердец?!
И сквернословам всяческого рода
Пора сказать сурово наконец:

Бранитесь или ссорьтесь как хотите,
Но не теряйте звания людей:
Не трогайте, не смейте, не грязните
Ни имени, ни чести матерей!

1970

Весенняя песня

Гроза фиолетовым языком
Лижет с шипеньем мокрые тучи.
И кулаком стопудовым гром
Струи, звенящие серебром,
Вбивает в газоны, сады и кручи.

И в шуме пенистой кутерьмы
С крыш, словно с гор, тугие потоки
Смывают в звонкие водостоки
Остатки холода и зимы.

Но ветер уж вбил упругие клинья
В сплетения туч. И усталый гром
С ворчаньем прячется под мостом,
А небо смеется умытой синью.

В лужах здания колыхаются,
Смешные, раскосые, как японцы.
Падают капли. И каждая кажется
Крохотным, с неба летящим солнцем.

Рухлядь выносятся с чердаков,
Забор покрывается свежей краской,
Вскрываются окна, летит замазка,
Пыль выбивается из ковров.

Весна даже с душ шелуху снимает:
И горечь, и злость, что темны, как ночь,
Мир будто кожу сейчас меняет.

В нем все хорошее прорастает,
А все, что не нужно, долой и прочь!

И в этой солнечной карусели
Ветер мне крикнул, замедлив бег:
– Что же ты, что же ты в самом деле,
В щебете птичьем, в звоне капли
О чем пригорюнился, человек?!

О чем? И действительно, я ли это?
Так ли я в прошлые зимы жил?
С теми ли спорил порой до рассвета?
С теми ли сердце свое делил?

А радость-то – вот она – рядом носится,

Скворцом заливается на окне.
Она одобряет, смеется, просится:
– Брось ерунду и шагни ко мне!

И я (наплевать, если будет странным)
Почти по-мальчишески хохочу.
Я верю! И жить в холодах туманных,
Средь дел нелепых и слов обманных,
Хоть режьте, не буду и не хочу!

Ты слышишь, весна? С непогодой – точка!
А вот будто кто-то разбил ледок, –
Это в душе моей лопнула почка,
И к солнцу выпрямился росток.

Весна! Горделивые свечи сирени,
Солнечный сноп посреди двора,
Пора пробуждений и обновлений –
Великолепнейшая пора!

1970

Главная встреча

Фонарь в ночной реке полощет бороду.
Дрожит рекламы розовая нить.
Давай пойдем вдвоем с тобой по городу
И будем много, много говорить!

Пусть пары по скамеечкам ютятся,
Целуясь между слов и между фраз,
А мы с тобой не станем целоваться,
Нам это все не главное сейчас.

Нам, может быть, важнее в этот вечер
Раскрыть себя друг другу до конца.
Как жили мы до первой нашей встречи
И чем горели души и сердца.

Ни светлое не спрячем, ни дурное,
Все увлечения, каждый жест и взгляд,
Все что ни есть – решительно откроем,
Пусть даже будет что-то и такое,
О чем порой другим не говорят...

Не любопытства ради, нет, не ради!
А потому, и только потому,
Что искра лжи, сокрытая в засаде,
Потом пожаром пререзает тьму.

Все нараспашку, настежь, как в полет!
Чтоб ни соринки, ни единой фальши!
Вот так, и только так, как звездолет,
Взлетит любовь взволнованная наша.

Ведь лишь из чистых и глубоких струй
Приходит к людям подлинная сказка,
Где все прекрасно: и слова, и ласка,
И каждый вздох, и каждый поцелуй.

1970

Счастливым человек

Кто и каков счастливый человек?..
Я лично так бы на вопрос ответил:
Счастливец тот, кто получил навек
Две песни – две любви на белом свете.

Не надо шуток и «уймитесь, страсти»!
Не двоеженство. Не об этом речь.
Да, две любви. И каждую сберечь –
Как раз и будет настоящим счастьем!

Нет, далеко не все и не всегда
Могли б сказать: «Люблю свою работу.
Готов трудиться до седьмого пота
И счастлив от любимого труда!»

И я уверен, даже твердо знаю,
Что в этой самой светлой из страстей
Есть что-то от любви к родному краю,
К своим друзьям и к Родине своей.

Но как моря не могут жить без рек,
Как без дождей земля оскудевает,
Так без любви сердечной человек
Духовно в чем-то все же прозябает.

Не зря о ней и пишут, и поют,
Не зря о ней так радостно мечтается.
И как ни славен человеческий труд,
А нежность все же нежностью останется.

Тут ни замен и ни сравнений нет.
Не будем путать двух прекрасных миссий.
Да и народ рождается на свет
Не от ученых формул и трансмиссий.

Да, две любви в одном рукопожатье,
Как два крыла, берущие разбег.
Иначе говоря – любовь в квадрате.
И кто обрел их – по моим понятиям,
Счастливейший на свете человек!

1971

Высота

Под горкой в тенистой сырой ложине,
От сонной речушки наискосок,
Словно бы с шишкинской взят картины,
Бормочет листвой небольшой лесок.

Звенит бочажок под завесой мгlistой,
И, в струи его с высоты глядясь,
Клены стоят, по-мужски плечисты,
Победно красою своей гордясь.

А жизнь им и вправду, видать, неплоха:
Подружек веселых полна ложина...
Лапу направо протянешь – ольха,
Налево протянешь ладонь – осина.

Любую только возьми за плечо,
И ни обид, ни вопросов спорных.
Нежно зашепчет, кивнет горячо
И тихо прильнет головой покорной.

А наверху, над речным обрывом,
Нацелясь в солнечный небосвод,
Береза – словно летит вперед,
Молодо, радостно и красиво...

Пусть больше тут сухости и жары,
Пусть щеки январская стужа лижет,
Но здесь полыхают рассветов костры,
Тут дали видней и слышней миры,
Здесь мысли крылатей и счастье ближе.

С достойным, кто станет навечно рядом,
Разделит и жизнь она и мечту.
А вниз не сманить ее хитрым взглядом,
К ней только наверх подыматься надо,
Туда, на светлую высоту!

1971

Когда порой влюбляется поэт...

Когда порой влюбляется поэт,
Он в рамки общих мерок не вмещается,
Не потому, что он избранник, нет,
А потому, что в золото и свет
Душа его тогда переплавляется.

Кто были те, кто волновал поэта?
Как пролетали ночи их и дни?
Не в этом суть, да и неважно это.
Все дело в том, что вызвали они!

Пускай горды, хитры или жеманны, –
Он не был зря, сладчайший этот плен.
Вот две души, две женщины, две Анны,
Две красоты – Оленина и Керн.

Одна строга и холодно-небрежна.
Отказ в руке. И судьбы разошлись.
Но он страдал, и строки родились:
«Я вас любил безмолвно, безнадежно».

Была другая легкой, как лоза,
И жажда, и хмельное утоление.
Он счастлив был. И вспыхнула гроза
Любви: «Я помню чудное мгновенье».

Две Анны. Два отбушевавших лета.
Что нам сейчас их святость иль грехи?!
И все-таки спасибо им за это
Святое вдохновение поэта,
За пламя, воплощенное в стихи!

На всей планете и во все века
Поэты тосковали и любили.
И сколько раз прекрасная рука
И ветер счастья даже вполглотка
Их к песенным вершинам возносили!

А если песни были не о них,
А о мечтах или родном приволье,
То все равно в них каждый звук и стих
Дышали этим счастьем или болью.

Ведь если вдруг бесстрастна голова,
Где взять поэту буревые силы?

И как найти звенящие слова,
Коль спит душа и сердце отлюбило?!

И к черту разговоры про грехи.
Тут речь о вспышках праздничного света.
Да здравствуют влюбленные поэты!
Да здравствуют прекрасные стихи!

1972

Цвета чувств

Имеют ли чувства какой-нибудь цвет,
Когда они в душах кипят и зреют?..
Не знаю, смешно это или нет,
Но часто мне кажется, что имеют.

Когда засмеются в душе подчас
Трели по-вешнему соловьиные,
От дружеской встречи, улыбок, фраз,
То чувства, наверно, пылают в нас
Небесного цвета: синие-синие.

А если вдруг ревность сощурит взгляд
Иль гнев опалит грозным рассветом,
То чувства, наверно, в нас горят
Цветом пожара – багровым цветом.

Когда ж захлестнет тебя вдруг тоска,
Да так, что вздохнуть невозможно даже,
Тоска эта будет, как дым, горька,
А цветом черная, словно сажа.

Если же сердце хмельным-хмельно,
Счастье, какое ж оно, какое?
Мне кажется, счастье, как луч. Оно
Жаркое, солнечно-золотое.

Назвать даже попросту не берусь
Все их – от ласки до горьких встрясок.
Наверное, сколько на свете чувств,
Столько цветов на земле и красок.

Судьба моя! Нам ли с тобой не знать,
Что я под вьюгами не шатаюсь.
Ты можешь любые мне чувства дать,
Я все их готов, не моргнув, принять
И даже черных не испугаюсь.

Но если ты даже и повелишь,
Одно, хоть убей, я отвергну!.. Это
Чувства крохотные, как мышь,
Ничтожно-серого цвета.

1972

В кафе

Рюмку коньячную поднимая
И многозначаше щуря взор,
Он вел «настоящий мужской разговор»,
Хмельных приятелей развлекая.

Речь его густо, как мед, текла
Вместе с хвастливым смешком и перцем.
О том, как, от страсти сгорев дотла,
Женщина сердце ему отдала,
Ну и не только, конечно, сердце...

– Постой, ну а как вообще она?.. –
Вопросы прыгали, словно жабы.
– Капризна? Опытна? Холодна?
В общих чертах опиши хотя бы!

Ах, если бы та, что от пылких встреч
Так глупо скатилась к нелепой связи,
Смогла бы услышать вот эту речь,
Где каждое слово грязнее грязи!

И если б представить она могла,
Что, словно раздетую до булавки,
Ее поставили у стола
Под взгляды, липкие, как пиявки.

Виновна? Наверно. И тем не менее
Неужто для подлости нет границ?!
Льется рассказ, и с веселых лиц
Не сходит довольное выражение.

Вдруг парень, читавший в углу газету,
Встал, не спеша подошел к столу,
Взял рассказчика за полу
И вынул из губ его сигарету.

Сказал: – А такому вот подлецу
Просто бы голову класть на плаху! –
И свистнул сплеча, со всего размаху
По злобно-испуганному лицу.

Навряд ли нужно искать причины,
Чтоб встать не колеблясь за чью-то честь.
И славно, что истинные мужчины
У нас, между прочим, пока что есть!

1972

Слово о любви

Любить – это прежде всего отдавать.
Любить – значит чувства свои, как реку,
С весенней щедростью расплескать
На радость близкому человеку.

Любить – это только глаза открыть
И сразу подумать еще с зарею:
Ну чем бы порадовать, одарить
Того, кого любишь ты всей душою?!

Любить – значит страстно вести бои
За верность и словом, и каждым взглядом,
Чтоб были сердца до конца свои
И в горе, и в радости вечно рядом.

А ждет ли любовь? Ну конечно, ждет!
И нежности ждет, и тепла, но только
Подсчетов бухгалтерских не ведет:
Отдано столько-то, взято столько.

Любовь не копилка в зашкафной мгле.
Песне не свойственно замыкаться.

Любить – это с радостью откликаться
На все хорошее на земле.

Любить – это видеть любой предмет,
Чувствуя рядом родную душу:
Вот книга – читал он ее или нет?
Вот груша – а как ему эта груша?

Пустяк? Отчего? Почему пустяк?!
Порой ведь и каплею жизнь спасают.
Любовь – это счастья вишневый стяг,
А в счастье пустячного не бывает!

Любовь – не сплошной фейерверк страстей,
Любовь – это верные в жизни руки.
Она не страшится ни черных дней,
Ни обольщений и ни разлуки.

Любить – значит истину защищать,
Даже восстав против всей вселенной.
Любить – это в горе уметь прощать
Все, кроме подлости и измены.

Любить – значит сколько угодно раз
С гордостью выдержать все лишения,
Но никогда, даже в смертный час,
Не соглашаться на униженья!

Любовь – не веселый бездумный бант
И не упреки, что бьют под ребра.
Любить – это значит иметь талант,
Может быть, самый большой и добрый.

И к черту жалкие рассужденья,
Что чувства уйдут, как в песок вода.
Временны только лишь увлеченья.
Любовь же, как солнце, живет всегда!

И мне наплевать на циничный смех
Того, кому звездных высот не мерить.
Ведь эти стихи мои лишь для тех,
Кто сердцем способен любить и верить!

1973

Дружеский совет

Когда ты решишься в любви открыться
Однажды и навсегда,
Возможно, вначале она смутится
И сразу не скажет: «Да».

Ну что же, не надо обид и вздохов!
Тут только не спорь и жди.
Смущение – это не так уж плохо,
Все главное – впереди!

И вряд ли всерьез что-то будет значить,
Когда на твои слова
Она вдруг потупится и заплачет
Иль даже сбежит сперва.

Ведь слезы такие звучат, наверно,
Как пение соловья.
Слезы, ей-богу, совсем не скверно,
Считай, что она – твоя!

А впрочем, бывает и невезенье,
Когда прозвучит ответ
На фразы, полные восхищенья,
Сурово и горько: «Нет!»

И все-таки, если не потеряться,
А снова идти вперед,
Если надеяться, добиваться,
Быть сильным и нежным, то, может стать,
Счастье еще придет.

Но, если ничто ее не встревожит
И с милою простотой
Она тебе дружбу свою предложит,
Вот тут даже Бог тебе не поможет,
Простись и ступай домой!

1973

Оценка любви

Он в гости меня приглашал вчера:
– Прошу по-соседски, не церемониться!
И кстати, я думаю, познакомиться
Вам с милой моею давно пора.

Не знаю, насколько она понравится,
Да я и не слишком ее хвалю.
Она не мыслитель и не красавица.
Такая, как сотни. Ничем не славится.
Но я, между прочим, ее люблю!

Умчался приветливый мой сосед,
А я вдруг подумал ему вослед:
Не знаю, насколько ты счастлив будешь,
Много ль протянется это лет
И что будет дальше. Но только нет,
Любить ты, пожалуй, ее не любишь...

Ведь если душа от любви хмельна,
То может ли вдруг человек счастливый
Хотя бы помыслить, что вот она
Не слишком-то, кажется, и умна,
И вроде не очень-то и красива.

Ну можно ли жарко мечтать о ней
И думать, что милая, может стать,
Ничем-то от сотен других людей
Не может, в сущности, отличаться?!

Нет, если ты любишь, то вся она,
Бесспорно же, самая романтическая,
Самая-самая необычная,
Ну словно из радости соткана.

И в синей дали, и в ненастной мгле
Горит она радугой горделивою,
Такая умная и красивая,
Что равных и нету ей на земле!

1973

О смысле жизни

– В чем смысл твоей жизни? – меня спросили.
– Где видишь ты счастье свое, скажи?
– В сраженьях, – ответил я, – против гнили
И в схватках, – добавил я, – против лжи!

По-моему, в каждом земном пороке,
Пусть так или сяк, но таится ложь.
Во всем, что бессовестно и жестоко,
Она непременно блестит, как нож.

Ведь все, от чего человек терзается,
Все подлости мира, как этажи,
Всегда пренахальнейше возвышаются
На общем фундаменте вечной лжи.

И в том я свое назначенье вижу,
Чтоб биться с ней каждым своим стихом,
Сражаясь с цинизма колючим льдом,
С предательством, наглостью, черным злом,
Со всем, что до ярости ненавижу!

Еще я хочу, чтоб моя строка
Могла б, отверзая тупые уши,

Стругать, как рубанком, сухие души
До жизни, до крохотного ростка!

Есть люди, что, веря в пустой туман,
Мечтают, чтоб счастье легко и весело
Подсело к ним рядом и ножки свесило:
Мол, вот я, бери и клади в карман!

Эх, знать бы им счастье совсем иное:
Когда, задохнувшись от высоты,
Ты людям вдруг сможешь отдать порою
Что-то взволнованное, такое,
В чем слиты и труд, и твои мечты.

Есть счастье еще и когда в пути
Ты сможешь в беду, как зимою в реку,
На выручку кинуться к человеку,
Подставить плечо ему и спасти.

И в том моя вера и жизнь моя.
И, в грохоте времени быстротечного,

Добавлю открыто и не тая,
Что счастлив еще в этом мире я
От женской любви и тепла сердечного...

Борясь, а не мудрствуя по-пустому,
Всю душу и сердце вложив в строку,
Я полон любви ко всему живому:
К солнцу, деревьям, к щенку любому,
К птице и к каждому лопуху!

Не веря ни злым и ни лстивым судьям,
Я верил всегда только в свой народ.
И, счастлив от мысли, что нужен людям,
Плевал на бураны и шел вперед.

От горя – к победам, сквозь все этапы!
А если летел с крутизны порой,

То падал, как барс, на четыре лапы
И снова вставал и кидался в бой.

Вот то, чем живу я и чем владею:
Люблю, ненавижу, борюсь, шучу.
А жить по-другому и не умею,
Да и, конечно же, не хочу!

1973

Итог

Да, вы со мною были нечестны.
Вы предали меня. И, может статься,
Не стоило бы долго разбираться,
Нужны вы мне теперь иль не нужны.

Нет, я не жажду никакой расплаты!
И, как ни жгут минувшего следы,
Будь предо мной вы только виноваты,
То это было б полбеда.

Но вы, с душой недоброю своей,
Всего скорее, даже не увидели,
Что вслед за мною ни за что обидели
Совсем для вас неведомых людей.

Всех тех, кому я после встречи с вами,
Как, может быть, они ни хороши,
Отвечу не сердечными словами,
А горьким недоверием души.

1973

Женский секрет

У женщин недолго живут секреты.
Что правда, то правда. Но есть секрет,
Где женщина тверже алмаза. Это:
Сколько женщине лет?!

Она охотней пройдет сквозь пламя
Иль ступит ногою на хрупкий лед,
Скорее в клетку войдет со львами,
Чем возраст свой правильно назовет.

И если задумал бы, может статься,
Даже лукавейший Сатана
В возрасте женщины разобраться,
То плюнул и начал бы заикаться.
Картина была бы всегда одна:

В розовой юности между женщиной
И возрастом разных ее бумаг
Нету ни щелки, ни даже трещины.
Все одинаково, – шаг в шаг.

Затем происходит процесс такой
(Нет, нет же! Совсем без ее старания):
Вдруг появляется «отставание»,
Так сказать, «маленький разницей».

Паспорт все так же идет вперед,
А женщину вроде вперед не тянет:
То на год от паспорта отстает,
А то переждет и на два отстанет...

И надо сказать, что в таком пути
Она все больше преуспевает.
И где-то годам уже к тридцати,
Смотришь, трех лет уже не найти,
Ну словно бы ветром их выметает.

И тут, конечно же, не поможет
С любыми цифрами разговор.
Самый дотошный ревизор
Умрет, а найти ничего не сможет!

А дальше ни сердце и ни рука
Совсем уж от скупости не страдают.
И вот годам уже к сорока

Целых пять лет, хохотнув слегка,
Загадочным образом исчезают...

Сорок! Таинственная черта.
Тут всякий обычный подсчет кончается,
Ибо какие б ни шли года,
Но только женщине никогда
Больше, чем сорок, не исполняется!

Пусть время куда-то вперед стремится
И паспорт, сутулясь, бредет во тьму,
Женщине все это ни к чему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.